

Некоторые вопросы изучения памятников наскального искусства Казахстана

Термин «*наскальные изображения*» мы используем в качестве собирательного, часто взамен дефиниций «петроглифы» и «писаницы», как наиболее употребляемое и общепринятое в современной науке понятие, в то же время не имеющее другого, повсюду узнаваемого синонима.

При этом под *петроглифами* (*petros* — камень, *glifos* — писать) обычно понимаются выбитые, прошлифованные, процарапанные, а под *писаницами* — нанесенные красной охрой на поверхности камня рисунки. Изредка употребляются обобщенные понятия «наскальное искусство», «наскальное изобразительное искусство» и заимствованные из арсенала современного искусствознания термины — гравюра, графика, граффити, изобразительные традиции, изобразительный ряд, изобразительный текст, композиция, сюжет, образ, мотив, элемент и др. [1; 13-16].

Понятие «*первобытное искусство*» в научных исследованиях казахстанских археологов используется редко, в основном для характеристики изобразительных памятников каменного и бронзового веков. На возможность расширительного толкования специфики этого понятия в качестве предмета дискуссии указал недавно Я.А.Шер, который предложил: «Первобытным следует считать искусство тех времен и территорий, когда и где оно еще не осознавалось как самостоятельная область культуры; в сознании носителей культуры оно входило в единую и целостную совокупность элементов знакового поведения людей, независимо от того, к какой эпохе исторической хронологии мы их относим» [2; 41]. Благодаря Я.А. Шеру в петроглифику для анализа стиля включены понятия «план содержания и план выражения», взятые из лингвистики, предполагается, что это «позволяет определить те элементы изображения, которые создают устойчивый образ стиля данной эпохи, данной культуры, данного локального варианта, отличного от стиля других эпох, культур и вариантов» [2; 41].

Резные рисунки на стенах погребально-культовых сооружений предлагали назвать «архитектурной петроглификой» [3; 12]. В понятийном аппарате петроглифоведения имеется большое количество терминов и специфических определений, заимствованных из других гуманитарных дисциплин (этнологии, структурной семиотики, философии, филологии, психологии, религиоведении и др.) и естественных наук, адаптированных и используемых в зависимости от конкретно решаемых задач, проблем отрасли, т.е. в соответствии с потребностями исследовательской практики [4; 43-48]. При адаптации того или иного понятия, естественно, ему придается свой оттенок.

Некоторые термины при использовании в контексте решения задач петроглифики обретают иной специфический смысл. Например, слово «камень» использовалось и используется во многих случаях в значении «поверхность» (поверхность) породы камня, на которую нанесены рисунки, или вместо более отвлеченного понятия — «изобразительная поверхность».

Кроме петроглифов, есть изображения, нанесенные на поверхности дерева и деревянных изделий — дендроглифы (из последних открытий отметим деревянные кружки с изображениями животных в раннескифском стиле в Турфане или на древнетюркском музыкальном инструменте с зооморфными изображениями и руническими надписями из Монгольского Алтая), а также геоглифы — известные по этнографическим источникам рисунки на поверхности земли и включенные в контекст изобразительных памятников природные объекты [5; 216-218].

Такое разнообразие базовых элементов и заимствований можно объяснить тем, что многие из названных дисциплин, на стыке которых функционирует петроглифика, в разной степени необходимости используют ее данные для разработки собственных познавательных проблем на своей методи-ко-методологической основе, тем самым положительно влияя на динамику развития науки о наскальном искусстве в целом. Мультидисциплинарный характер и разнообразие теоретико-методологических подходов к решению специфических задач изначально способствовали стремлению петро-глифики выделиться в самостоятельное направление, поскольку археология, в рамках которой зарождалась эта отрасль, не может полностью обеспечить полноценным универсальным методом дешифровки смыслового содержания наскальных изображений.

Исследователи давно уже говорят о необходимости для решения сложных теоретических задач археологии выработки принципиально новой научно-методической парадигмы, объединяющей новые подходы в единую методологию [6; 32]. В перспективе вполне допустимо отпочкование от археологии петроглифики или петроглифоведения (петроглифологии) в самостоятельную дисциплину, но для этого необходим целостный (а не совокупность заимствованных из других гуманитарных дисциплин) метод познания и установления закономерностей, систем взаимосвязей и стадийных явлений через анализ и систематизацию эмпирических данных по наскальным изображениям. Сам термин «наскальные изображения» (равно как «наскальное искусство»), хотя и раскрывает не всю специфику и значение этого вида исторического источника, пока не имеет альтернативы.

Наскальные изображения составляют часть изобразительной творческой деятельности человека, поэтому для характеристики и

осмысления всего этого феномена их рассматривают в контексте понятия «изобразительные памятники», куда входят также статуарное искусство, мелкая пластика, орнаментика, торевтика и т.д. В ряде случаев в историко-культурных реконструкциях используется понятие «изобразительная деятельность» человека, куда относят и наскальные изображения, в первую очередь как средства передачи информации [7; 8-12].

Изучение наскальных изображений в условиях развития исторической науки в советском обществе, вплоть до конца 60-х годов прошлого века, не относилось к числу приоритетных направлений в археологической науке, соответственно, сами петроглифы не рассматривались как полноценный исторический источник, поэтому им отводилась роль вспомогательного материала по искусству и идеологии в различных культурно-исторических реконструкциях. Здесь следует отметить, что и сейчас, несмотря на впечатляющие успехи петроглифики, отношение к ней не претерпело кардинальных изменений, поскольку фундаментальными в создании картины исторической действительности признаются данные, получаемые в результате собственно полевых археологических раскопок.

Истоки формирования методологических принципов анализа петроглифов, в том числе и Казахстана, надо искать в работах плеяды блестящих ученых 20-40-х годов прошлого века. Это и понятно, поскольку вся гуманитарная сфера науки развивалась в едином русле всего советского пространства, вплоть до 80-х годов XX в., когда стали явно проявляться признаки превалирования интересов национально-государственного подхода к оценкам исторических событий далекого прошлого в союзных республиках.

В развитии методологии изучения наскальных изображений в 30-40-е годы прошлого века во многом тон задавали исследователи карельских и онежских петроглифов. А.М.Линевский и А.Я.Брюсов, с одной стороны, с другой — В.И.Равдоникас и К.Д.Лаушкин, которые придерживались в интерпретации смыслового содержания этих памятников диаметрально противоположных взглядов. А. М. Линевский фактически был первым из советских археологов, для которого петроглифы стали объектом профессиональной научной деятельности. Его концепция связана с дальнейшей разработкой магической теории, согласно которой происхождение рисунков объяснялось утилитарными потребностями охотничьей промысловой магии и отображало, кроме объектов охоты и сцен промысла, добрых и злых духов-хозяев. Отсюда его чрезмерное увлечение этнографическими параллелями из жизни и быта коренных народов Севера и Сибири при расшифровке петроглифов. Ему же принадлежит очень интересная и слабо разработанная до сих пор идея выяснения последовательности нанесения рисунков на поверхность скалы, попытка определения первоначального ядра композиционных

структур и выяснение взаимосвязей между фигурами на плоскости, что чрезвычайно важно при различных теоретических построениях [8].

Представитель противоположного направления В.И.Равдоникас был приверженцем интерпретации петроглифов на основе анализа особенностей мифологического мышления древних людей.

А.Д.Столяром, одним из последователей В.И.Равдоникаса, относительно недавно осуществлен критический анализ становления и развития его научных концепций [9; 14-29]. На формирование подобных взглядов В.И.Равдоникаса оказали влияние кроме Н.Я.Марра труды И.И.Мещанинова, А. В.Городцова и ряда этнографов (в числе которых и труды Л.Я.Штернберга), о чем свидетельствует его высказывание о том, что памятники первобытного искусства могут быть расшифрованы в свете истории первобытного мышления, на основе данных палеонтологии речи и этнографии. Что касается взглядов самого А.В.Городцова, то центром распространения «идеи создания рисунков с магической целью» он считал территорию Средней Азии, имея в виду Казахстан [10; 57].

Успехи исследователей карельских и онежских петроглифов вдохновили позже С.С. Черникова, возглавившего в 1935 г. Восточно-Казахстанскую археологическую экспедицию ЛО ГАИМК, на написание специальной обобщающей статьи о наскальных рисунках верховий Иртыша, где он, отметив их сходство с карельскими сюжетами и под влиянием указанных выше тотемно-магических (равно как и мифологических) взглядов, попытался объяснить смысл и назначение ряда сюжетов и композиции. Однако отсутствие длительного опыта работы с петроглифами привело к тому, что он, например, в двух случаях палимпсесты принял за целые фигуры полулюдей-полуживотных — кентавров и, соответственно, впал в полное заблуждение, видя в них отображение тотемно-магических представлений. Даже обычные сцены охоты он склонен был считать магическими действиями человека перед своим тотемом. Поскольку он еще слабее ориентировался в вопросах хронологической атрибуции петроглифов, все известные ему в Восточном Казахстане наскальные изображения отнес к периоду ранних кочевников, причем не ранее VI-V вв. до н.э. [11; 274-279].

Тем не менее статью С.С.Черникова следует рассматривать, наряду с ранее вышедшей работой В. А.Городцова о тургайских рисунках [10; 57-62], как знаковое событие на пути становления собственно казахстанской петроглифики.

Отметим еще один эпизод воздействия работ исследователей карельско-онежских древностей в плане развития методологии изучения петроглифов Казахстана. Речь идет о небольшой статье А. А. Формозова, посвященной сравнительному анализу и семантике писаниц Казахстана и Урала, написанной явно под впечатлением мифологической теории [12; 170-176].

Смысловое содержание изображения «солярной ладьи» (?) из окрестностей дер. Смолянка на одноименной реке, притоке Иртыша, известной по неточной публикации Г.И. Спасского еще в самом начале XIX в., он объяснил общностью представлений древнего населения обширного Урало-Казахстанского пространства о движении солнца, солнечного божества по небу на ладье, полагая, что они играли большую роль и в погребальном культе, связанном с представлениями о подземной реке, по которой надо плыть в царство мертвых. Кроме того, А. А.Формозов вторично искажил действительность, перевернув без того неверный рисунок на 180 градусов, при этом полагая, что древние могли рисовать композицию не с берега реки, а сверху [12; 175]. Таким образом, здесь мы имеем дело с поучительным для методологии изучения петроглифического материала случаем, когда изначально неточно определенная отправная точка для семантической дешифровки неминуемо может привести к ошибочным теоретическим построениям. Через двадцать лет А.А.Формозов, отметив, что подобные изображения появляются не раньше эпохи бронзы, высказал соображение, что миф о солнце, путешествующем на ладье или на колеснице, не общечеловеческий, а охватывал лишь отдельные области Старого Света и повторил возможность интерпретации изображения «лодки с сияющим солнцем на носу» как иллюстрации к солярному мифу [13; 201, 203], подтвердив свою приверженность данной идее. Впоследствии А.А.Формозов сам, чувствуя однобокость такого подхода, допускал мифологическое значение по отношению к некоторым сюжетам наскальных изображений 3 -1 тыс. до н.э., но с оговоркой, что нельзя переносить этот вывод на другие ранние и более поздние памятники. Задаваясь вопросом: «характерно ли мифологическое содержание петроглифов для всей первобытной эпохи или только для 3-1 тыс. до н.э.?», он подчеркнул трудность установления граней между магическими и мифологическими изображениями [14; 228-229]. Будучи сторонником идеи социологической периодизации общества, он выделил три стадийные группы петроглифов, которые, по его мнению, соответствуют различным этапам развития общества: одни звери и изредка существа со смешанными зоо- и антропоморфными чертами; сцены охоты и лучники; люди, фантастические хищники и солнечные знаки, которые отражают кардинальные изменения, обусловленные трансформацией хозяйственной базы и во многом не будут совпадать с существующей археологической периодизацией [14; 232, 234].

Последняя мысль А. А.Формозова верна, есть масса вариантов памятников переходного периода, факты сосуществования хронологически различных стилистических групп образов и сюжетов, возникших как в результате воздействия внешних импульсов (в том числе и миграции носителей определенных стилистических приемов и

технологий), так и конвергентно, в процессе внутреннего развития творческого потенциала конкретного социума. Что касается выделенной им стадияльной группы петроглифов, то в реальности каждая из них гораздо богаче и разнообразнее по репертуару образов, во многом обусловленных спецификой региональных природно-ландшафтных комплексов.

Впервые итоги послевоенных лет изучения наскальных изображений на территории Советского Союза были проведены в вышедшей в 1969 г. книге А.А.Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР», где отдельные этюды были посвящены и петроглифам Казахстана [14]. В ней впервые на широком территориально-хронологическом фоне в логическом единстве были рассмотрены наскальные изображения, мелкая пластика, произведения монументального искусства и данные по этнографии, фольклору и мифологии, как верно, на мой взгляд, подметил критик, ознаменовал собой окончание «периода первоначального накопления» в изучении петроглифов [15; 265].

В книге был поднят вопрос о методологии расшифровки семантики наскальных изображений, поскольку к этому времени уже наметились различные тенденции и субъективные факторы, которые могли по-разному повлиять на дальнейшее развитие науки. Это, в первую очередь, относится к методике и принципам отбора и использования этнографических материалов при интерпретации содержания сюжетов наскальных изображений, которые, по его мнению, должны идти по двум линиям: выявление далеких пережитков древних культов на месте и стадияльно близких. А.А.Формозов, критикуя А. П. Окладникова за чрезмерное увлечение этнографическими данными, сам тоже охотно пользовался этим методом, сопоставляя, например, египетский миф то со скандинавским, то с сибирским и т.д. [14; 18-21].

В то время проблема интеграции археологических и этнографических источников находилась на начальном этапе, поэтому опыт В.Н. Чернецова по привлечению местных (не отдаленных) материалов по этнографии обских угров (в частности, манси) тогда во многом пригодился для разработки методических принципов их использования не только для объяснения идейного содержания петроглифов, но и для выделения устойчивых культурных элементов («этнографической ситуации»), а также определения таксономического уровня развития этносоциокультурных процессов у населения, оставившего подобного рода памятники культуры на конкретной территории [16; 5-8].

Сочинение А.А. Формозова было воспринято специалистами неоднозначно [17; 8, 18; 77, 19; 23, 40].

На критике ряда положений этой книги оттачивались в 70-е годы, вплоть до 80-х годов прошлого века, некоторые теоретические и

практические аспекты изучения петроглифов на территории бывшего Советского Союза, в том числе и Казахстана.

Положительным является и то, что эта книга натолкнула, например, ленинградского археолога Н. Л. Подольского на мысль разработать новый унифицированный принцип датировки, поскольку во многих случаях выбор датирующих признаков оказывался произвольным, что приводило к частой перестройке всей хронологической шкалы [15; 265-275]. В основе его предложений простой и широко распространенный в археологии принцип построения стратиграфической колонки, а в данном случае — датировка петроглифов путем выделения серии изображений (например, лося, быка или личины) одной изобразительной традиции (минусинской или ангарской) на основе жестко фиксированного набора стилистических приемов и последующая их синхронизация с аналогичными группами рисунков из сопредельных регионов. Н.Л. Подольский продемонстрировал свой принцип, выбрав около 40 рисунков из двух местонахождений Сибири и выделив в них 14 изобразительных приемов в пределах локального во времени и пространстве варианта трактовки конкретного образа — лося. В результате ему удалось выдвинуть версию о времени и месте сложения ангарского и минусинского стилей, определить степень их взаимодействия, влияния на другие изобразительные традиции, а также синхронизировать их с конкретными культурами сопредельных регионов. В плане скрупулезных источниковедческих работ в области петроглифики данная статья, написанная как бы в качестве отклика, оказалась тогда очень полезной для многих ученых, занимавшихся этими проблемами. Новшеством стала составленная Н. Л. Подольским синхронизационная таблица, положившая начало разработке различных схем, диаграмм, всевозможных математических и алгоритмических таблиц распознавания и т.д., которые можно рассматривать как докомпьютерную стадию развития в обработке массового петроглифического материала (например, различные эксперименты по созданию алгоритмов, проведенные Я.А.Шером для первых ЭВМ) [20; 127-143].

Ценным представляется формулировка Н. Л. Подольского о том, что для наскальных изображений не действует принцип вытеснения, т. е. появление новых типов не означает автоматического прекращения старой традиции.

Этому событию предшествовала одна острейшая дискуссия о методологии и методике анализа, научной классификации, а также интерпретации смыслового содержания наскальных изображений, начатая этнографом Г. И. Пелих и позже поддержанная А. И. Мартыновым, в ответ на полемичную статью А.А. Формозова, посвященную, главным образом, критике взглядов А.П. Окладникова и представителей его научной школы. К дискуссии присоединились также

Ю.А. Савватеев и В. Н. Чернецов, а затем упомянутый выше Н. Л. Подольский, которые заняли различные позиции по вопросу о подходе к изучению наскальных изображений. Сам А.П. Окладников не принимал непосредственного участия в дискуссии, но позже, в совместной с А.И. Мазиным книге, философски отметил, что «ведутся дискуссии как по хронологии этих памятников, так и по их идейному содержанию. При неизбежной конфронтации, отражающей субъективные взгляды тех или иных исследователей, а нередко и личные отношения, такие споры подобны свежему ветру, помогают полнее понять предмет спора и увидеть новые возможности для использования обсуждаемых памятников как исторического источника. Такие споры насчитывают уже более двух веков, начиная с жесткой оценки академиком Миллером фантазии Страленберга по поводу предполагаемых наскальных «письмен» в Сибири. Они, такие дискуссии, продолжаются и в наше время» [21; 81].

Если коротко охарактеризовать конкретные методологические проблемы, затронутые в дискуссиях, то они сводятся к попытке определения одними участниками наиболее общих тенденций и закономерностей развития древнего изобразительного творчества во всемирно-историческом масштабе в их динамике и обусловленности на уровне «научной генерализации». Другие, наряду с признанием общих закономерностей в развитии искусства, на первый план выдвигали необходимость сравнительно-исторического анализа конкретных источников, отдельных памятников и частных вопросов, а в общем плане допускали многолинейный путь эволюции наскального творчества, параллельное развитие разных по стилю и технике направлений, разные идейные содержания и назначения в крупных очагах распространения наскального искусства в обширном лесо-горно-степном пространстве Евразии (карельский, уральский, сибирский, среднеазиатский, которые, в свою очередь, делятся на соответствующие историко-культурные области). В большей степени в дискуссии затрагивались все же вопросы разработки хронологических схем развития наскального искусства ведущими в то время научными школами, которые, собственно, выявили и основные непримиримые разногласия между ними, но дали серьезный толчок на будущее развитие петроглифоведения как отрасли археологии.

Таким образом, эта дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» в 1967-1973 гг., равно как и вышедшие к этому времени многочисленные фундаментальные монографии и научные статьи по наскальным изображениям различных культурно-исторических областей СССР (в том числе и Казахстана), составили основную веху в истории становления петроглифоведения, стали временем окончательного завершения процесса формирования его теоретико-методологических основ и методических принципов научной

классификации, хронологической атрибуции и семантической интерпретации, которые совершенствуются по мере дальнейшего накопления опыта. Это главный итог и историческое значение данной дискуссии.

Казахстанские специалисты тогда не участвовали в указанных дискуссиях, поскольку степень накопления материала и уровень интересов еще находились в другой плоскости, хотя положительное влияние их на процесс пробуждения интереса к изучению этого исторического источника давно было налицо.

Вопросы историографии изучения проблем наскальных изображений в 60-70-е годы прошлого века были критически рассмотрены в специальной статье А.А. Формозова, ставшего как бы основным экспертом работ по наскальным изображениям на территории СССР [22; 5-15]. Беспощадно критикуя всех и обвиняя исследователей в каких-либо недостатках и недочетах, он, в конечном итоге, сыграл положительную роль в становлении научно-методологических основ петроглифоведения. Казахстанские петроглифы ему известны только по публикациям.

Большое значение имеет книга М.К.Кадырбаева и А.Н.Марьяшева, уже выдержавшая второе издание, которая ознаменовала завершение процесса становления казахстанского петроглифоведения [17].

Отметим статью Х.А.Алпысбаева за 1956 г., написанную по итогам работ 1949-1950 гг. в Ходжакенте. Почему-то многие современные исследователи обходят ее вниманием, а между тем Х. А. Алпысбаев в этой небольшой работе поднял целый спектр важных вопросов изучения петроглифов, начиная от техники выбивки, степени патинизации, анализа стилистических приемов, сопоставления некоторых мотивов с образцами сакской художественной бронзы, завершая хронологической атрибуцией, попыткой анализа хозяйственной деятельности создателей этих рисунков и своеобразной трактовкой смыслового содержания некоторых сюжетов и композиций, с привлечением этнографических, фольклорных, античных и китайских письменных источников [23; 182-188].

В частности, приводя статистику право- и левосторонних фигур животных, он отмечает преобладание правосторонних изображений. При объяснении малочисленности изображений животных и зверей с левосторонним поворотом головы он приводит интересные этнографические данные и мифологический материал о левой стороне как символе смерти, неудачи. В его утверждении о том, что наскальные изображения «есть результат определенных материальных условий жизни человека, возникших в процессе борьбы за существование», угадываются отголоски взглядов исследователей онежских и карельских петроглифов или, что вполне возможно, заимствование из какой-нибудь марксистской литературы. Для

фиксации петроглифов им был использован неплохой прием техники описания. Некоторые неточности, допущенные при копировании рисунков, позже, при повторном обследовании, были исправлены узбекскими археологами [24].

Значение этой работы Х.А.Алпысбаева заключается и в том, что основные проблемы, связанные с методологией изучения петроглифов, впервые поставлены и на практике предприняты шаги к их реализации собственно казахстанским исследователем, а не представителем из какого-нибудь центрального научного учреждения СССР. Это тоже очень важный момент, хотя и понятно, что археология Казахстана развивалась в едином русле общесоюзной науки.

Статьи и книги по наскальным изображениям юга Казахстана энтомолога П.И. Мариковского издавались на протяжении длительного времени, с начала 1950-х гг., которые не рассматривались всерьез никем в качестве научных исследований в области археологии.

П.И.Мариковский никогда не копировал петроглифы, а подобно художникам XVIII в. зарисовывал и совершенно не ориентировался в вопросах методологии и методики их изучения, особенно, в вопросах хронологической атрибуции. Единственная его статья о способах и объектах охоты по мотивам наскальных рисунков, опубликованная в 1953 г., заслуживает некоторого интереса в плане постановки проблемы в контексте развития «историко-животноводческого» или «историко-биологического» направления в петроглифике [25; 1064-1073]. С такой постановкой проблемы перекликается популярная книга Г.В.Шацкого [26], но с чрезмерно вольной трактовкой некоторых сюжетов и даты их появления, за что его подверг резкой критике А. А.Формозов [27; 273].

В этой связи отметим, что существует мнение о «хозяйственном прочтении древних изображений, согласно которому изобразительное творчество древних в ряде случаев является отражением наиболее важных моментов реальной жизни, в частности, некоторых сторон производственной деятельности» [28; 67].

Некоторые композиции, состоящие из фигур однородных животных и организованные по круговому или линейному принципам, могут быть определены как изображения табунов или стад животных, особенности этологии, иерархическое поведение которых учитывались древними для успеха охоты. С достаточной очевидностью такая картина наблюдается в петроглифах урочища Окей в Восточном Казахстане, о которых мы упоминали в свое время [29; 114-119]. Сходное мнение высказывалось нами при анализе петроглифов Теректы Аулие в Центральном Казахстане [30; 99100]. В некоторых подобных композициях исследователи видят и картину выпаса, и отражение способов управления стадами мелкого рогатого скота [28; 69-73].

В плане анализа истории становления казахстанской петроглифики мы должны указать еще на несколько работ.

Особые эмоции вызвал в свое время альбом А.Г.Медоева с небольшим текстом и обширными комментариями, написанный в своеобразной манере, в подражание стилю структурной семиотики, с необычными ассоциациями, ценными догадками и утверждениями [3]. Некоторые наблюдения, относительно организации пространства, композиции, анализа форм, довольно остроумные, но отвлеченные, скорее, их можно квалифицировать не как аргументированные научные утверждения в строгом смысле, а больше как комплиментарные высказывания. В книге имеется ряд ценных мыслей относительно возможности использования геологических знаний в изучении ландшафтного контекста петроглифических комплексов.

Развернувшиеся в последние десятилетия археологические работы в Жетысу и в Южном Казахстане дали мощный толчок поискам и исследованиям памятников наскального искусства, в результате которых были выявлены эталонные комплексы-святилища, продолжены работы на известных местонахождениях с использованием новых комплексных подходов и новых естественнонаучных методов. Были опубликованы десятки работ, из которых можно выделить монографию А.Н.Марьяшева и А. А.Горячева «Наскальные изображения Семиречья», вышедшую в 2002 г., куда вошли материалы основных двадцати петроглифических комплексов очерченного региона, как ключевую, где впервые наиболее полно осуществлен сопоставительный анализ материалов эталонных местонахождений; на основе типологии и классификации образов и сюжетов проведена синхронизация и рассмотрены актуальные проблемы интерпретации их содержания [31]. Продолжая разговор о методологических основах развития казахстанского петроглифоведения, следует особо выделить монографию В.А.Новоженова «Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии», в которой на основе типолого-технологического метода и составления компьютерной базы данных о 600 изображениях повозок, использования различные пакетов программного обеспечения, существовавших в начале 90-х годов прошлого века, а также сопоставления изобразительных памятников с другими археологическими материалами (в частности, остатками реальных повозок, найденных в степной Евразии, включая урало-казахстанские просторы, Закавказье, Китай, костными остатками тягловых животных) и привлечения древнейших текстов Авесты и Ригведы, общеиндоевропейских лингвистических данных о колесной повозке и ее отдельных частях, лошадиных упряжках, вошедших во многие древние языки без существенных изменений, предпринята попытка обосновать концепцию о двух центрах практического применения колесного транспорта в конце 4-го - начале 3-го тыс. до н.э. — Месопотамии и степной зоне (под которой он подразумевает так называемые южнорусские степи или начальный ареал древнеямной

культурно-исторической общности), в силу различия природно-ландшафтных условий и адаптированных к ним оседло-земледельческого и дисперсного характера скотоводческого хозяйственно-культурных типов оказывавших принципиально разное влияние на эволюцию средств передвижения и их функций [32]. Относительно возможного другого центра распространения колесного транспорта Кавказа, который имеет также много сторонников, В.А.Новоженов полагает, что он в периоды существования куро-аракской, бе-денской, позже триалетской культур выполнял историческую функцию посредников во взаимосвязях этих двух миров — земледельческого и скотоводческого, причем автор, отмечая одинаковый уровень получаемого прибавочного продукта обеими обществами, подчеркивает более подвижный характер степных культур, давший мощный импульс для дальнейшего распространения технических новшеств в процессе миграций различных этнокультурных массивов.

Отметим, что появление изображений колесниц на скалах, на плитах могил и других археологических предметах отражает, по единодушному мнению исследователей, возникновение и формирование сложной системы культов, связанных с повозкой, элементами которой стали также всевозможные жертвоприношения и практические обрядовые действия.

Основной вывод В.А.Новоженова о том, что развитие исторических процессов применительно к восточным памятникам степной Евразии во многом определялось колонизацией этих малозаселенных территорий племенами индоиранского облика, проникавшими сюда с запада, и что эта экспансия степных просторов традиционно была направлена на севере в район Минусинской котловины, Горного Алтая, территории западной Монголии и Синьцзяна, а южная ветвь проходила через урало-казахстанские степи и ориентирована на районы земледельческих цивилизаций Турана и долины Инда, в целом отражает существующие в науке к настоящему времени общие представления об индоевропейской общности, распаде ее на индоиранскую, индоарийскую и др. ветви и о направлениях их миграции на восток, но различающиеся у разных исследователей лишь в деталях.

В книге есть несколько дискуссионных моментов, например, относительно использования повозок степными племенами как средства контроля за стадом, деталей и функций костяных щитковых псалиев, рассуждения о происхождении некоторых культур бронзового века. В целом работу В. А.Новоженова следует рассматривать как важный этап в развитии казахстанской петроглифики, когда объектом научного анализа становится уже конкретная узкая тематика, а не региональные задачи петроглифологии, но в которой затрагиваются

глобальные проблемы общеисторического характера, что свидетельствует об углублении процесса дифференциации отрасли. К категории подобного рода работ относится и кандидатская диссертация И. Н.Швец, посвященная анализу антропоморфного образа в наскальном искусстве Центральной Азии, через который человек с древнейших эпох до этнографической современности философски осмысливал свое бытие в пространственно-временном континууме и в системе мировоззренческих ориентиров [33].

Нельзя не отметить еще одно направление в петроглифике — изучение этнографического периода гравировки [34; 88-91]. Ранние из них представлены ойратскими ламаистскими изображениями будд и бодисатв, а также эпиграфическими материалами, многочисленными настенными и наскальными сюжетами Арало-Каспийского региона. Они представляют интерес в плане изучения проблем преемственности в изобразительных памятниках.

К настоящему времени, таким образом, был накоплен положительный опыт работы с этим видом исторического источника и были определены некоторые перспективные направления поиска в будущем, а также выявлены недостаточно полно реализованные, по объективным и субъективным причинам, возможности, поэтому петроглифоведение в Казахстане нуждалось в историографическом анализе. В этом плане работа Д.А.Байтилеу «История изучения петроглифов Казахстана» оказалась своевременной, представляет собой первый полноценный анализ становления и развития петроглифоведения в Казахстане, где на основе критического анализа достоинств и недостатков определены некоторые перспективные направления поиска. Само появление историографического исследования проблем петроглифоведения в археологической науке Казахстана — явление знаменательное, несмотря на то, что сложность и универсальность этого исторического источника требует, как выяснилось, еще более глубоких и объективных анализов [35].

Наиболее весомым показателем становления петроглифоведения и роста уровня исследовательского потенциала специалистов является подготовка и защита диссертационных работ. В 1977-2007 гг. по материалам наскальных изображений Казахстана были защищены одна докторская и шесть кандидатских диссертаций.

Выше мы отмечали, что казахстанское петроглифоведение изначально было вовлечено в международный интеграционный процесс, поэтому его становление нужно рассматривать во взаимосвязи с развитием археологической науки, в первую очередь в СНГ, затем в других странах дальнего зарубежья.

Список литературы

1. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. — Красноярск: Красноярский университет, 1985. — 187 с.
2. Шер Я.А. Спорные вопросы изучения первобытного искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. — № 2 (18). — Новосибирск, 2004. — С. 36-52.
3. Медоева А.Г. Гравюры на скалах. — Алма-Ата: Жалын, 1979. — 174 с.
4. Шер Я.А. О развитии языка археологии // Проблемы археологии. — Вып. 2. — Л., 1978. — С. 43-48.
5. Формозов А.А. Дендроглифы и геоглифы // Вопросы истории. — № 4. — М., 1978 — С. 216-218.
6. Деревянко А.П., Холушкин Ю.П., Воронин В.Т. О понятии «теоретическая археология» в археологической науке // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. — Новосибирск, 1998. — С. 31-38.
7. Бледнова Н.С., Вишняцкий Л.Б., Гольдшмидт Е.С., Дмитриева Т.Н., Шер Я.А. Первобытное искусство. — Кемерово: Кемеровский государственный институт искусства и культуры, 1998. — 210 с.
8. Линевский А.М. Петроглифы Карелии. — Ч. 1. — Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. — 193 с.
9. Столяр А.Д. Древнейший пласт петроглифов Онежского озера (к постановке проблемы) // Петербургский археологический вестник. — СПб., 1994. — № 9. — С. 85-95.
10. Городцов А.В. Скальные рисунки Тургайской области // Труды Государственного исторического музея. — Вып. 1. — Разряд археологический. — М., 1926. — С. 57-62.
11. Черников С.С. Наскальные изображения верховий Иртыша // Советская археология. — М., 1947. — № 9. — С. 251-282.
12. Формозов А.А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика // Советская этнография. — № 3. — М., 1950 — С. 170-176.
13. Формозов А.А. Искусство эпохи мезолита и неолита // Каменный век на территории СССР. — М.: Наука, 1970. — С. 184-205.
14. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. — М.: Наука, 1969. — 235 с.
15. Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А.Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // Советская археология. — № 3. — М., 1973. — С. 265-275.
16. Савинов Д.Г. Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. —

Томск, 1990. — С. 5-8.

17. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. — Алма-Ата: Наука, 1977. — 231 с.

18. Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. — Л.: Наука, 1980. — 271 с.

19. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. — М.: Наука, 1980. — 328 с.

20. Шер Я.А. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах (к теории стиля в первобытном искусстве) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. — М.: Наука, 1977. — С. 127-143.

21. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. — Новосибирск: Наука. — 1979. — 151 с.

22. Формозов А.А. О некоторых задачах и спорных проблемах в исследовании памятников первобытного искусства // Советская археология. — № 3. — М., 1979. — С. 5-15.

23. Алпысбаев Х.А. Новые наскальные изображения Бостандыкского района // Тр. ИИАЭ АН КазССР. — Т. 1. — Археология. — Алма-Ата, 1956. — С. 182-188.

24. Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. — Самарканд: АН РУ. — 1995. — 121 с.

25. Мариковский П.И. Способы и объекты охоты по мотивам наскальных рисунков Чулакских гор (Казахская ССР) // Зоологический журнал АН СССР. — Т. 32. — Вып. 6. — М., 1953. — С. 1064-1073.

26. Шацкий Г.В. Рисунки на камне. — Ташкент: Ин-т лит. и иск-ва им. Г.Гуляма. — 1973. — 160 с.

27. Формозов А.А. Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии (обзор публикации 1973-1976 гг.) // Советская археология. — № 3. — М., 1978. — С. 270-275.

28. Бородовский А.П. Управление стадом мелкого рогатого скота во время выпаса (по материалам центральноазиатских петроглифов) // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 67-73.

29. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. — Алматы: Ғылым. — 1992. — 288 с.

30. Самашев З., Курманкулов Ж., Жетыбаев Ж. Петроглифы Казахского мелкосопочника // Междунар. конф. по первобытному искусству. — Т. 2. — Кемерово, 2000. — С. 98-100.

31. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. — Алматы: Общественный фонд «Родничок», 2002. — 238 с.

32. Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). — Алматы, 1994.

33. Швец И.Н. Антропоморфный персонаж в петроглифах Центральной Азии: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.0.06. — Алматы, 1999.

34. Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 55-59.

35. Байтилеу Д.А. История изучения петроглифов Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.0.06. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007.

Фамилия автора: Самашев З.

теги: Археология История Казахстана Культура Памятники

журнал: Вестник КарГУ

год: 2009

город: Караганда